ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Комиссарук Екатерина Львовна

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЛАДАКХЕ (ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛАДАКХИ КАК ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА)

Резюме
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.филос.н. С.Д. Серебряный

Москва 2021

Работа выполнена в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена одному из сравнительно «малых» языков современной Азии – *ладакхи* и проблемам, связанным с его становлением в качестве письменного языка.

Ладакх – историческая область, до 2019 г. входившая в состав штата Джамму и Кашмир Республики Индия (с 2019 г. Ладакх получил статус союзной территории). Ладакх расположен на стыке трех нынешних государств (Индии, Пакистана и Китая) и на стыке трех или даже четырех культурных традиций: собственно индийской (то есть преимущественно индусской), индо-мусульманской, тибетской (буддийской) и (опосредованно) китайской. В течение многих веков Ладакх, будучи независимым княжеством с X в., являлся частью тибетского (буддийского) культурного мира и важным перевалочным пунктом на Великом Шелковом Пути. В Новое время Ладакх оказался на периферии Могольской империи и испытал некоторое влияние ее культуры, хотя и не прерывал связей с Центральным Тибетом.

В первой половине XIX в. Ладакх был поглощен княжеством Джамму, культура которого представляла собой некое сочетание индусских и мусульманских элементов. Ко второй половине века Ладакх, вместе со всем этим княжеством, стал частью британской Индийской империи и пребывал в ее составе около столетия (будучи, впрочем, глухой провинцией периферийного «native state» и поэтому испытав довольно незначительное влияние европейской метрополии). В 1947 г. Кашмир стал яблоком раздора между новыми государствами: Индией и Пакистаном. После окончания военного конфликта часть территории исторического Ладакха оказалась в

Пакистане. Другая часть Ладакха, Аксай Чин, позже, в начале 1960-х гг. послужила поводом для разногласий между Индией и Китаем – и теперь считается спорной территорией (контролируется КНР). После установления в конце 1950-х годов полного контроля КНР над Тибетом (который теперь официально именуется «Тибетский автономный район КНР»), многовековые связи между Ладакхом и Тибетом были нарушены, сведены почти на нет. Правда, в Индии образовалась довольно многочисленная тибетская диаспора во главе с Далай-ламой, который иногда лично посещает Ладакх.

Ладакхи – идиом, распространенный в основном на территории Ладакха, а также в районах Китая и Пакистана, граничащих с нынешним Ладакхом. Большинство ладакхцев считают тибетский и ладакхи одним языком и часто объединяют их лингвонимом «бхоти».

С момента образования княжества Ладакх доминирующим письменным языком здесь был классический тибетский, но для устных коммуникаций использовались и другие идиомы; к тому же местная устная речь постоянно пополнялась заимствованиями из языков торговцев, следовавших через Ладакх по Великому Шелковому Пути. Разговорные формы языка сосуществовали с письменным тибетским в режиме диглоссии. Индийская исследовательница Санъюкта Кошал в книге «Грамматика ладакхи», вышедшей в 1979 г., еще утверждала, что если ладакхцам надо что-нибудь написать, то они прибегают к классическому тибетскому, а собственно ладакхи используется лишь в устной речи.

За прошедшие сорок с лишним лет в этой сфере произошли значительные изменения. На ладакхи создано несколько десятков книг, как оригинальных, так и переводных. Была предпринята попытка издавать на разговорном ладакхи журнал. Вопрос о том, следует или не следует превращать ладакхи в полноценный письменный (литературный) язык, горячо обсуждается в сегодняшнем Ладакхе и привлекает все больше внимания как внутри Ладакха, так и за его пределами.

В диссертации исследуются: история изучения языка ладакхи, нынешнее состояние (функционирование) ладакхи в его социально-политическом контексте, а также споры о будущем развитии ладакхи. Предпринимается также попытка рассмотреть ситуацию ладакхи в более широкой, сравнительно-исторической перспективе.

Актуальность предпринятого исследования более чем очевидна. Именно сейчас (последние десятилетия) на уровне центрального правительства Индии обсуждается вопрос о будущей государственной политике в отношении языка ладакхи и нескольких других языков тибето-бирманской группы, на которых говорят в пригималайской Индии различные этносы, исповедующие буддизм (тибетского типа) и использующие классический тибетский язык в качестве языка религии (и вообще основного, если не единственного письменного языка). По индийской политической традиции этот вопрос формулируется как вопрос о целесообразности включения всех этих языков (под общей «крышей» классического тибетского, именуемого – ради своего рода политкорректности – «бхоти») в «Восьмое приложение» Конституции Индии.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что в нашей стране языком ладакхи до сих пор почти никто не занимался. Небогата научная литература о нем и на европейских языках. На конкретную же тему данной работы (проблемы становления ладакхи как письменного языка) специальных исследований пока вообще не было.

В работе впервые дается детальное описание сферы функционирования идиома ладакхи, рассматривается процесс становления ладакхи как письменного языка, а также факторы, влияющие на этот процесс.

Кроме того, в первой главе дано довольно подробное описание географии и истории Ладакха, необходимое, в том числе, и для понимания языковой ситуации в регионе.

Итак, **объектом исследования** в данной диссертации является идиом ладакхи и проблемы становления ладакхи как письменного языка.

Цель исследования – описать и проанализировать социолингвистическую ситуацию в Ладакхе, а также процесс становления ладакхи как письменного языка и выявить факторы, влияющие на этот процесс.

Цель исследования обусловила постановку следующих **задач**:

- проанализировать теоретическую литературу по исследуемой проблеме;
- провести полевое исследование в регионе;
- проанализировать языковую политику в отношении ладакхи на уровне государства и штата;
- описать современное состояние идиома ладакхи, его функционирование и статус;
- собрать и проанализировать письменные источники на ладкхи.

Диссертация носит во многом междисциплинарный характер. **Теоретические и методологические принципы**, использованные при ее написании, основываются в первую очередь на работах по социолингвистике, социологии и антропологии таких отечественных и зарубежных авторов, как Ч. А. Фергюсон, С. Квале, Г. Р. Гиббс, М. Ангросино, У. Флик, Н. Турнадр, И. Ф. Девятко, Б. А. Успенский, Е. М. Вольф, М. М. Гухман.

В ходе исследования собственно материала ладакхи использовались работы А. Г. Франке, Дж. А. Грирсона, С. Конова, Б. Банерджи, С. Кошал, Кончока Таши, Нима Рангдол Бакулы, Б. Цайслер, Р. Норман. В 2010–2011 гг. были проведены полевые исследования в Ладакхе, основными методами которых были наблюдение, включенное наблюдение, анализ документальных источников и глубинное полуструктурированное интервью.

Как известно, социолингвистика как таковая – наука междисциплинарная. Но для данной диссертации не меньшее значение, чем собственно социолингвистические работы, имели отечественные работы по истории различных языков, в первую очередь – то специфически российское направление исследований, которое обозначается как «история литературных языков»: от работы В. Ф. Шишмарёва по истории итальянского языка до серии коллективных монографий, подготовленных в Институте языкознания РАН Проблемной комиссией по теории литературных языков.

В диссертации языковая ситуация в Ладакхе рассматривается в синхронии и диахронии, а также в типологическом аспекте в сравнении с другими регионами и странами. Можно надеяться, что данная работа вносит свой вклад в решение задачи, так сформулированной М. М. Гухман в самой первой книге вышеназванной серии: выработать «общую типологию языковых ситуаций».

Материалом исследования послужили:

– тексты, написанные на разговорном ладакхи;

– различные официальные материалы местной администрации Ладакха;

– научные публикации;

– грамматические описания идиома ладакхи;

– интервью с жителями Ладакха и с работающими там исследователями;

– доклад специальной исследовательской группы Центрального института индийских языков по вопросу о включении языка «бхоти» в «Восьмое приложение» Конституции Индии.

Полевой материал был собран во время поездок автора в Ладакх в 2010–2011 гг. В 2011 г. автор диссертации проходила стажировку в Центральном институте буддийских исследований, расположенном неподалеку от города Леха, столицы Ладакха. В числе информантов были

студенты института, жители Леха и окрестных деревень (случайная выборка), преподаватели Центрального института буддийских исследований и школы при Моравской миссии, писатели, ученые, религиозные деятели, в том числе имам мечети в Лехе, пастор Моравской церкви, переводчик Евангелия на ладакхи, местные ламы, а также исследователи, работающие в Ладакхе.

Изначально анкетирование планировалось проводить на основе данных, приведенных в социолингвистической энциклопедии «The Written Languages of the World». В 1989 г. вышел том этой серии, посвященный языкам Индии, в котором, среди прочих языков, описывается и ладакхи. Однако уже после первых нескольких анкетирований стало ясно, что бóльшая часть данных, приведенных в этом описании, существенно устарела. Прежде всего, это связано с тем, что когда собирались данные для этого проекта, ладакхи совершенно не использовался в качестве литературного языка. Но уже через четыре года после выхода названного тома начал издаваться журнал на ладакхи, постепенно стали появляться также переводы и даже самостоятельные произведения на ладакхи (в том числе перевод «Дхаммапады» и коранической суры «Аль-Бакара»).

К тому же надо учитывать, что жители Ладакха в большинстве своем не различают собственно ладакхи и классический тибетский язык, считая ладакхи разговорным вариантом классического тибетского языка. Поэтому, в частности, оказалось, что вся литература, описанная в названном томе социолингвистической энциклопедии под рубрикой «ладакхи», на самом деле написана на классическом тибетском языке.

С учетом изменившейся языковой ситуации в Ладакхе и началом движения за включения языка «бхоти» в «Восьмое приложение» индийской Конституции необходимо полностью обновить социолингвистические данные по языку ладакхи. Для этого требуется проделать масштабную

работу, которая по силам лишь группе лингвистов, а не одному исследователю.

В центре внимания данной работы, как уже сказано, находятся проблемы становления ладакхи как письменного языка и общая социолингвистическая ситуация, в которой это становление происходит.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В сегодняшней Индии (и в Южной Азии в целом) процессы становления языков вообще и, в частности, языков письменных далеки от завершения. Ладакхи – один из многих разговорных идиомов Южной Азии, который при благоприятном стечении обстоятельств может превратиться в самостоятельный письменный язык.

2. В наши дни ладакхи имеет довольно ограниченное письменное употребление, хотя оно и заметно возросло за последние десятилетия. Вопрос о том, быть или не быть ладакхи письменным языком, вызывает в Ладакхе горячие споры. Большинство образованных буддистов, как и большинство образованных мусульман, активно возражают против превращения ладакхи в письменный язык.

3. В течение длительного времени в Ладакхе роль письменного языка выполняет классический тибетский язык, а параллельно развивается разговорный идиом ладакхи. Лучше всего для описания ситуации в этом регионе подходит термин «диглоссия» в модификации Б. А.Успенского: «высокая форма» языка противопоставлена «низкой» как сакральная – профанной. При этом традиционные носители языка воспринимают обе формы как «один язык».

4. Проблема ладакхи – часть более широкой проблемы языкового строительства и языковой политики в Северной Индии. В нескольких пригималайских штатах Индии (Химачал-прадеш, Уттаркханд, Сикким, Аруначал-прадеш) есть этносы, исповедующие тибетские формы буддизма и пользующиеся классическим тибетским как письменным и сакральным

языком (при том что разговорные языки у них иные, хотя, как и в случае ладакхи, родственные тибетскому). Местная буддийская элита предпочитает называть тибетский язык (классический и любые его современные диалекты) – «бхоти». В этих штатах несколько десятилетий назад возникло движение за включение языка «бхоти» в «Восьмое приложение» Конституции Индии. К этому движению примкнули и многие образованные буддисты Ладакха. Этот вопрос рассматривается на уровне центрального правительства Индии.

5. Будущее ладакхи как отдельного письменного (литературного) языка зависит от ряда обстоятельств: от социально-политического развития Ладакха и от того, как сложатся в нем соотношения различных социальных (и религиозных) групп; от того, какие решения будут приниматься на уровне местной власти и на уровне центрального правительства; от развития ситуаций в соседних пригималайских штатах Индии и, наконец, от социально-политического и культурного развития Республики Индия в целом.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что впервые в науке анализируется социолингвистическая ситуация в Ладакхе, а также становление письменного языка ладакхи, что дает возможность дальнейшей разработки теоретических проблем социолингвистики и вносит вклад в изучение типологии языковых ситуаций и стандартизации письменных языков в целом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки языковой политики в многоязычных странах и регионах, а также для создания полной картины языковых процессов, происходящих в Индии.

Данные диссертационного исследования могут быть использованы в вузовском преподавании для чтения курса лекций по социолингвистической ситуации в Индии, первая глава также может быть включена в курс истории

Индии и Тибета, так как для отечественных ученых Ладакх пока остается регионом, не вписанным в общий индийский контекст.

Апробация результатов данного исследования проходила на научных семинарах и конференциях:

1) конференция Института востоковедения РАН «Под небом Южной Азии» (Москва, 23–24 мая 2012 г.), секция «Индия: перспективы современного развития», доклад «Движение за автономию Ладакха: языковые и религиозные аспекты»;

2) ICOSAL- 10, The Tenth International Conference on South Asian Languages and Literatures (Москва, 5–7 июля 2012 г.), доклад « Ladakhi: Becoming a Literary Language?»;

3) III Всероссийская конференция «История востоковедения: традиции и современность» (Москва, 11–12 ноября 2015 г.) доклад «Очерк историографии Ладакха»;

4) XXXVII Зографские чтения (Санкт-Петеребург, 11–13 мая 2016 г.), доклад «Моравская миссия в Ладакхе. „Тибетское“ христианство и вклад моравских братье в развитие языка ладакхи».

5) 24th Himalayan Languages Symposium (Лакхнау, Индия, 8–10 июня 2018 г.), доклад «Development of the written Ladakhi language».

Структура диссертации: работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и нескольких приложений.

Основное содержание работы

Во введении вкратце описана тема диссертации, ее цель, задачи и общие методологические принципы.

В первой главе, **«История и география Ладакха»**, собраны исторические и географические материалы, которые необходимы для понимания современной социолингвистической ситуации в Ладакхе. Кроме того, дан обзор историографии Ладакха. Эта территория, как уже сказано, в течение многих веков была частью тибетского культурного мира, но в силу

географических и исторических обстоятельств Ладакх (подобно, например, Бутану и Сиккиму) оказался несколько отъединенным от этого мира и попал в сферу влияния иных культур, в первую очередь – индо-мусульманской, а затем новоевропейской (христианской). Именно эти обстоятельства, по-видимому, и обусловили (как в Бутане и Сиккиме) становление местного разговорного идиома, родственного классическому тибетскому, но отличного от него. Во второй половине XX в. часть носителей этого идиома (возможно, под влиянием общеиндийской языковой ситуации) ощутили потребность придать ему статус полноценного письменного языка.

Во второй главе, **«Ладакхи с точки зрения лингвистики»,** дан аналитический обзор современной научной литературы о ладакхи и описан нынешний уровень изученности этого идиома, а также основные проблемы и этапы его исследования современными лингвистами. Изучение ладакхи началось с трудов миссионера моравской церкви А.Г. Франке, который прибыл в Ладакх в 1896 г. В 1901 г. А.Г. Франке опубликовал первый очерк грамматики ладакхи, в 1905 г., издал записанный им ладакхский вариант Гэсэриады, а в 1908 г. – свой перевод на ладакхи Евангелия от Марка. Следующий этап изучения ладакхи связан с именем Дж. А. Грирсона, составителя «Linguistic Survey of India» (далее – LSI). Ладакхи описан в третьем томе LSI (1927), в разделе, где речь идет о «тибетских диалектах». Этот раздел написал норвежский лингвист С. Конов в соавторстве с А. Г. Франке. Дж. А. Грирсон, вполне осознававший условность различия между «языком» и «диалектом», тем не менее, предпочел называть «языком» («language») лишь классический (письменный) тибетский, а ряд родственных ему идиомов (такого термина тогда еще не было) гималайского региона (включая ладакхи) назвал «тибетскими диалектами». Такую терминологию принимают многие тибетологи и до сих пор, возможно, среди прочего, потому, что «классическая» тибетология традиционно уделяет больше внимания письменному тибетскому, пренебрегая «диалектами».

Новый этап изучения ладакхи наступил лишь в 1970-е гг., когда правительство Республики Индия открыло границы Ладакха, бывшего до этого закрытым пограничным регионом. Первой среди ученых нового поколения изучением ладакхи стала заниматься С. Кошал, которая проводила свои исследования при поддержке Центрального института индийских языков в Майсуре. В 1979 г. С. Кошал опубликовала обстоятельную грамматику ладакхи. Лингвисты этого и последующих поколений уже не сомневаются в том, что ладакхи можно считать отдельным языком.

Примечательно, что первый грамматический справочник ладакхи, написанный ладакхцем, появился только в 2005 г. Его автор, монах Нима Рангдол Бакула, также перевел с тибетского на ладакхи «Дхаммападу».

В наши дни изучением ладакхи активно занимаются несколько европейских и американских исследователей. Прежде всего следует назвать Б. Цайслер и Р. Норман. Среди прочего, западные исследователи уделяют внимание истории ладакхи, его соотношению с классическим тибетским и его собственному диалектному членению. В диссертации проведен сравнительный анализ различных схем диалектного членения ладакхи – и сделан вывод, что диалектологическое изучение ладакхи (и соседних языков, в частности, языка *балти*, родственного ладакхи) далеко от завершения. Вместе с тем материалы уже проведенных исследований показывают, что в качестве наддиалектной нормы постепенно принимается идиом столицы Ладакха – города Леха.

Третья, центральная глава диссертации называется **«Становление письменного языка: споры в Ладакхе о ладакхи».** Эта глава посвящена нынешнему состоянию ладакхи (в контексте общей социолингвистической ситуации в Ладакхе), причем особое внимание уделено процессу становления ладакхи как письменного языка.

Языковую ситуацию, в которой существует сегодня ладакхи, можно обозначить терминами «многоязычие» и/или «полиглоссия». Житель Ладакха использует несколько языков для различных, не пересекающихся между собой (взаимодополняющих) функций, которые выстраиваются в определенную иерархию. На ладакхи он разговаривает в обыденной жизни. Для сферы религиозной у буддистов есть классический тибетский, а у мусульман – арабский. Для общения с властями разного уровня человек может прибегать к урду, хинди или английскому. Соседей-балти он, скорее всего, поймет, даже если они будут говорить на своем языке. А с соседями-дограми и кашмирцами он договорится, если надо, на разговорном хиндустани.

Важно отметить, что первостепенный фактор самоидентификации для ладакхцев – не язык, а религиозная принадлежность. Бытовой язык и у большинства буддистов, и у большинства мусульман в Ладакхе – один, ладакхи. Но мусульмане считают «своими» языками арабский и урду: арабский (который ладакхские мусульмане часто не понимают) – потому что на нем написан Коран, а урду – потому что это литературный язык кашмирских единоверцев и также ассоциируется с исламом. В сознании ладакхцев язык неотделим от письменности, и часто эти два понятия сливаются в одно. Письменность, как и язык, воспринимается как неотъемлемая принадлежность той или иной религии. Так, многие ладакхцы-мусульмане не хотят учиться читать на родном языке, потому что он записывается тибетским («буддийским») письмом.

Сфера употребления ладакхи довольно ограничена – особенно в том, что касается письменных форм языка. Подавляющее большинство чиновников и работников сферы образования в Ладакхе до сих пор полагают, что ладакхи – это не отдельный язык, а лишь устная форма классического тибетского, каковой ему и надлежит оставаться. Теперь, когда ладакхи постепенно становится письменным языком, людям, ратующим за

его развитие, приходится решать множество проблем, связанных с тем, что долгое время ладакхи существовал в качестве «низкого» языка в условиях диглоссии.

Одна из проблем развития письменного ладакхи состоит в том, что он записывается тем же священным письмом, что и буддистский канон, поэтому письменные тексты на ладакхи нередко воспринимаются как неграмотно написанные тексты на классическом тибетском, а любая попытка орфографических и грамматических изменений классического языка воспринимается как посягательство на святое.

Соотношение классического тибетского и ладакхи можно сравнить с соотношением латыни и какого-нибудь романского языка на начальной стадии его становления. Иными словами, языковая ситуация в сегодняшнем Ладакхе сравнима с языковыми ситуациям в странах Западной Европы много веков тому назад. Но есть и по крайней мере три существенных отличия: во-первых, ладакхи – язык сравнительно малочисленного этноса, находящегося в окружении многих этносов (народов), гораздо более многочисленных; во-вторых, сегодняшний Ладакх – это часть многоязычной Республики Индия и, в-третьих, на языковую ситуацию практически в любом уголке Земли сегодня не могут не влиять процессы глобализации.

Всё же сравнение с романскими (а также с новоиндийскими) языками дает основание надеяться, что и ладакхи со временем может высвободиться из своего подчиненного положения в диглоссийной паре. Очевидно, что «высвобождение» ладакхи зависит не столько от его объективных характеристик с точки зрения лингвистики, сколько от иных, политических и общекультурных обстоятельств.

Четвертая глава диссертации называется **«Доклад Центрального института индийских языков (ЦИИЯ): попытка найти „срединный путь“»**.

В Конституции Республики есть специальное «Восьмое приложение» (the Eighth Schedule), в котором перечислены языки, имеющие особый статус; они называются «scheduled languages». Включение языка в этот список имеет как материальные (большее финансирование), так и статусные последствия. Для центрального правительства – это, очевидно, средство улаживания или по крайней мере смягчения местных политический проблем. Включению некоторых языков в «Восьмое приложение» предшествовали более или менее бурные «движения» носителей и сторонников «продвижения» этих языков.

В последние десятилетия в нескольких северных штатах Индии наблюдается так называемое «Bhoti movement», то есть «движение [за язык] бхоти» – за включение языка «бхоти» в «Восьмое приложение» Конституции. Это слово теперь нередко используется как своего рода зонтичный термин для обозначения некоего множества языков: классического тибетского, с одной стороны, и с другой – ряда разговорных языков (идиомов) северной (пригималайской) Индии, носители которых используют (или хотят использовать) классический тибетский как язык религии (буддизма). При этом те, кто употребляют в этом смысле лингвоним «бхоти», или искренне думают, или не вполне искренне провозглашают, что «бхоти» – это «один язык». «Движение бхоти» (история которого плохо изучена) возникло, по-видимому, не в Ладакхе. Но многие влиятельные лица в Ладакхе с энтузиазмом к нему присоединились. И движение это со временем набрало, очевидно, такую силу, что возникла необходимость дать ему официальный ответ.

В 2008 г. в Центральном институте индийских языков была создана специальная исследовательская группа для изучения ситуации с языком «бхоти». В 2010 г. ЦИИЯ представил «Доклад», в котором были изложены результаты работы этой группы. Авторы доклада поистине стремились следовать буддийскому «срединному пути»: они постаралась учесть мнения

и требования разных политических, религиозных и светских деятелей, а также потребности простого населения; привести к одному знаменателю разнообразные, порой полярно противоположные суждения и облечь их в форму, соответствующую представлениям чиновников о том, каким должен быть язык, достойный включения в «Восьмое приложение» Конституции. Говоря коротко, авторы «Доклада» предлагают поддерживать в рассматриваемом регионе режим диглоссии, то есть сосуществования классического тибетского (как языка традиции и высокой культуры) с более молодыми (живыми) языками, развитию которых также предлагается уделять много внимания.

Насколько осуществимы итоговые предложения «Доклада» ЦИИЯ и в какой мере они будут приняты «бхоти-язычным» населением, покажет будущее. Но, во всяком случае, очевидно, что проблема становления ладакхи как самостоятельного письменного языка, при всей специфичности данной проблемы, есть лишь частный случай в ряду подобных проблем, существующих в индийских Гималаях, – как, впрочем, и в остальной Индии. Более того, исходя из «Доклада» ЦИИЯ можно предположить, что будущее ладакхи как самостоятельного письменного языка зависит, вероятно, не только и даже не столько от ситуации в самом Ладакхе, сколько от развития языковой ситуации во всех «бхоти-язычных» областях Индии и от государственной политики по отношению к языковым проблемам этого региона.

В марте 2020 г. Арджун Рам Мегхвал, министр по делам парламента Индии, отвечая на поступившее от представителя Индийской народной партии требование о включении раджастхани, бходжпури и бхоти в «Восьмое приложение», сказал, что вопрос рассматривается в положительном ключе.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования и излагаются соображения о возможных путях будущего развития языка ладакхи.

В приложениях приведена карта Ладакха, список информантов и список литературы на «ладакхи», опубликованный Академией искусств, культуры и языков Джамму и Кашмира в Лехе.

Список литературы насчитывает более 190 работ на русском, ладакхи, тибетском, урду, хинди, английском, немецком и французском языках.

По теме диссертации опубликованы статьи:

1. Комиссарук Е. Л. Язык ладакхи и история его изучения // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 5. С. 178–184.
2. Комиссарук Е. Л. Очерк историографии Ладакха // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 3 (12). С. 61–67.
3. Комиссарук Е. Л. Споры о письменном языке в Ладакхе: консерваторы и реформаторы // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2021. № 6. С. 158–171.
4. Комиссарук Е. Л. Моравская церковь в Ладакхе. Вклад моравских братьев в развитие языка ладакхи // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 20 (100). С. 169–188.
5. Комиссарук Е. Л. Борьба за собственный язык в Ладакхе: история одного журнала // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 137–141.
6. Комиссарук Е. Л. Миссия в Ладакх // Восточная коллекция, 2012 г. №3. С. 112–125.